

ски привел его в кино — к съемкам в фильмах «Поворотный пункт» (1976 г.) и «Белые ночи» (1985 г.), а потом и в драматический театр — к роли Грегора в инсценировке «Превращения» Кафки (1989 г.).

Барышников очень надеялся поработать с Джорджем Баланчиным, великим американским хореографом родом из России, который возглавлял «Нью-Йорк сити балле». Но когда в 1978 году он пришел в эту труппу, Баланчин был уже слишком болен, чтобы что-то создать для талантливого русского танцовщика. И мечта Миши стать источником вдохновения для этого мастера не сбылась.

Он проработал в «Нью-Йорк сити балле» всего 15 месяцев, когда ему сделали лестное предложение превратиться из балетной «звезды» в мениджера-«звезду». Перед таким соблазном он не устоял: в 1980 году стал директором «Американ балле тиетр» («АБТ») и оставался на этом посту до 1989 года. В этот период его нещадно критиковали за просчеты в управлении. Хватало и личных столкновений с членами труппы. Урок пошел на пользу. Теперь Барышников уже не порывается играть в театрального руководителя. И даже свою новую труппу «Уайт Оук» предпочитает называть группой. Она состоит из 15 артистов, средний возраст которых 36 лет.

— Мне нравится работать со взрослыми, зрелыми людьми, — говорит он.

Эта позиция — реакция протеста против культа молодости и красоты, царившего в «АБТ». И вообще против уклада этого театра, где ему пришлось свирепствовать, чтобы проводить свою политику. Многие из артистов относились к нему там с неприязнью, считая его бездушным администратором, швыряющимся людьми. Джелси Кэрленд, его бывшая партнерша и одно время любовница, весьма критически отозвалась о нем в своей книге «Танцую на собственной могиле», вышедшей в 1986 году. Книга позволяет понять, какая страшная напряженность царила в те времена в этой балетной «теплице», и становится очевидным, что

Барышников был очень рад вырваться оттуда. Он невольно проговаривается по поводу тогдашних конфликтов, когда упоминает о своей недавней роли в авангардном фильме Питера Селларза «Кабинет Калигарни».

— Я играю там парня с задатками убийцы. Селларз видит меня именно таким, — шутит Миша.

Не таким ли видели его и в «АБТ»? Смех прекращается.

— Я такой, какой есть, — признается он серьезно.

Его сотрудничество с Марком Моррисом в «Уайт Оук» — это честная попытка найти более человеческий способ работы. Ходят, правда, слухи, что оно не столь уж прочно, чем и объясняется включение в репертуар труппы балетов других хореографов. Но оба мастера испытывают одинаковое разочарование в традиционных структурах балетного театра. У Морриса тоже были свои трудности, когда он короткое время занимал пост художественного директора брюссельского «Театр де ля Моннэ». Там его частенько освистывала публика, требовавшая менее «заумных» постановок.

В конце нашего разговора Барышников снова возвращается к своему детству. Вспоминает о матери, которая покончила с собой, когда ему было 11 лет.

— Она была самой большой моей любовью, и когда я думаю о своих собственных детях (у него есть дочь от актрисы Джессики Ланж и сын от нынешней спутницы жизни, балерины Лайзы Райнхарт), то все время сравниваю наши отношения с теми, какие у меня были с мамой. Роль отца меня чрезвычайно волнует. Эти двое ребятишек — мой якорь. Они — моя Америка...

Теперь Барышников редко ходит на классические балетные спектакли. Похоже, он к ним относится как человек, который ушел далеко вперед и уже не имеет сил и желания разбираться со своим прошлым. Баланчина больше нет, стародавний союз русского, европейского и американского балета, похоже, приказал долго жить. Запад принял в свои объятия тьму рус-

ских артистов балета. Латвия обрела независимость, а старый советский монолит исчез... Барышников уже высвободился из «смирительной рубашки» классического балета и завершил свое труднейшее вживание в западный мир. Теперь он хочет искать и создавать новые структуры. И если даже пока не вполне представляет себе, как это сделать, то, неустанно двигаясь вперед, обязательно что-то найдет.

...и самом первом своем современном балете «От пробы к делу», поставленном специально для него Туайлой Тарп в 1976 году.

Фото из альбома Сержа Лидо «45 лет парижского балета».

